

Борис Васильев

Победители

Странная фамилия

1

Вскоре после войны отец вышел в отставку и получил надел в генеральском дачном поселке неподалеку от Москвы. Наделом оказался гектар сплошного леса, в основном елового, но с добавкой матерых сосен. На участке не то что шалаш — ногу поставить было некуда, даже если вырубить начисто весь подлесок. Начинать приходилось с корчевки, а я еще служил далеко от Москвы. Одному отцу с учетом его последнего, четвертого по счету, фронтowego ранения это было явно не по силам. Я уповал на своих друзей, но они тоже работали и помочь отцу могли только по воскресным дням. Кое-что вырубил, огород вскопали, колодец вырыли, забором участок огородили.

И тут, на великое счастье, отцовские сослуживцы, оставшиеся после войны в Германии, прислали то ли немецкий, то ли американский мини-трактор с набором всяческих навесных приспособлений. Отец любил технику, быстро

освоил этот подарок и приловчился корчевать лес в одиночку.

Пишу об этом потому лишь, что когда я наконец-то уволился из армии и вернулся в Москву, отцовский участок выглядел образцово. Стоял домишко с двумя огромными верандами, был посажен сад, вырыт пруд, вскопан огород, но значительный кусок леса так и остался нетронутым. Я в нем даже грибы собирал.

А вот напротив, через дорогу от отцовского участка, никаких дач не было, стоял дремучий лес, который местные власти держали про запас. Я любил в нем гулять. Искал грибы, собирал сухостой на дрова или какие-нибудь забавные коряги.

Я оказался на даче в тот день, когда неподалеку от наших ворот остановилась легковая машина местной администрации. Из нее вылезли два чиновника, приветственно помахавшие нам, и какая-то женщина. Я помогал отцу достраивать большую веранду, когда он сказал:

— Преподнеси даме хороший букет.

Я соорудил что-то вроде цветущего веника, отнес женщине, приехавшей вместе с местными чиновниками. Она мило улыбнулась, что-то сказала...

Что-то сказала... Эх, если бы я запомнил, что она тогда сказала...

Вскоре мне пришлось отправиться в командировку, затем оказались еще какие-то срочные дела, и я вновь навестил отца только через месяц. Он сообщил, что местная администрация в порядке исключения выделила участок какому-то Герою Советского Союза прямо напротив нас, через дорогу. Но этот герой что-то до сей поры не появлялся.

А на следующий день возле наших ворот затормозила «Волга». Из нее вышли молодежь, подтянутый и очень стройный подполковник в полной форме со всеми орденами, над которыми поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза, следом — женщина, которой я месяц назад преподносил цветочный веник.

А отец был в щедро усеянной опилками ситцевой рубашке с закатанными по локоть рукавами, выгоревшей на солнце полотняной фуражке и в потертых унтах, поскольку у него постоянно ныли застуженные еще в Гражданскую войну ноги. Но, поправив фуражку, он тут же пошел навстречу уже входившему гостю. А гость при его приближении вскинул руку к козырьку и громко, по всей форме доложил:

— Разрешите представиться, товарищ генерал-лейтенант. Ваш новый сосед, Журфиксов Павел Петрович.

— Андреев Сергей Петрович, — отец протянул руку. — Очень рад и новому соседу, и новому знакомству. Алексей (это — ко мне), накрывай на стол.

— Если позволите, я с удовольствием помогу, — вызвалась спутница подполковника.

— Он — солдат, — улыбнулся отец. — Хотя и в звании инженер-капитана.

— Моя супруга Софья Георгиевна, — запоздало представил супругу Журфиксов.

Отец снял полотняную фуражку, подошел к Софье Георгиевне и, склонившись, вежливо поцеловал руку. Он когда-то был поручиком и целовать дамам ручки умел.

Пока я накрывал на стол на большой веранде, отец принимал гостей на веранде малой. Он любил гостей, умел с ними общаться, не навязывая собственного мнения, а уж о том, как он угощал даже нашей, весьма скудной закуской, можно себе только представить. Отец всегда оставался самим собою, что давало гостям возможность чувствовать себя свободно, и все складывалось как нельзя лучше.

За столом и разговор, естественно, шел застольный. Я в него не вслушивался, подавая и убирая тарелки, но кое-что все же вклинилось в мою память.

— ...войну, с моей точки зрения, выиграл сержантский состав. Я пришел на фронт семнадцатилетним деревенским парнишкой, и если бы они меня не научили солдатской науке выживать, я бы... Ну, не знаю, может, как-то и уцелел бы... Мечтаю об этом записки написать, когда в отставку выйду...

Это говорил подполковник Журфиксов. И с той поры мы больше его никогда не видели. Отец специально узнавал в поселковом Совете, что участок именно ему был выделен, но ни он, ни его жена больше у нас не появлялись.

Правда, вскоре подполковник своего адъютанта прислал. С запиской, что его часть срочно передислоцируют.

Много прошло времени, но от Журфиксова не было ни слуху ни духу. Прошла борьба с космополитами, с врачами-отравителями, еще с кем-то или с чем-то. Так уж мы созданы, что без борьбы существовать не умеем. Борьба эта в могилу моего отца свела, потому что он уж слишком негодовал по поводу «отравителей в белых халатах», именуя это не иначе, как провокацией. Потом Сталин помер, кукурузу всей страной весело сажали. Я уж и сам до подполковника дослужился, начал писать повести и рассказы, которые издательства печатали с удовольствием. И тут чеченская война началась. Я на какую-то, помню,

конференцию попал, и на ней вдруг прозвучала колючая фамилия. Журфиксов...

2

— Журфиксов...

Эта фамилия прошелестела в воздухе. Никто вроде бы ее не произносил, не было не то что шепота — воздух не вздрогнул. Но сказано это было для меня, для моих ушей. И я не услышал, я — уловил.

А кругом сидели плечистые ребята в одинаковых спортивных костюмах, с одинаково бесстрастными лицами и отсутствующим выражением глаз.

Но — по порядку. Меня пригласили на встречу в некий закрытый дом отдыха. Побывавшие на заданиях парни (пресса любит употреблять выражение «в горячих точках») приходили здесь в форму, отдыхали не только телом, но и душой, и я был приглашен как раз для роздыха их душ. Со мною созвонились, я дал согласие, и меня провезли сквозь все «кирпичи» и милицейские посты в тишину и покой старого, чудом уцелевшего подмосковного бора.

Встреча состоялась в небольшом кинозале. Я рассказывал о своей работе, о новостях в кино и театрах, смешил добродушную публику актерскими

анекдотами, отвечал на многочисленные вопросы. Потом гостеприимные хозяева пригласили меня немного «расслабиться и отужинать».

Стол ломился от закусок, водка текла рекой, но я помалкивал, понимая, что в профессионально любознательном обществе неуместно личное любопытство. Однако после определенного количества добрых тостов утратил опасливый контроль и с максимальной наивностью спросил на весь стол:

— По Москве бродят слухи, будто какой-то удивительный снайпер в Чечне объявился. Бьет в полтинник чуть ли не с трехсот метров...

Обычный пиршественный гул мгновенно стих. Даже ножи с вилками перестали стучать по тарелкам. А сидевший рядом со мной командир этих спецов благожелательно улыбнулся:

— Слухи — они и есть слухи. Попробуйте балычок.

— Благодарю вас.

Я попробовал и примолк. Стол опять зажурчал дружескими разговорами, даже кое-где смешки появились. А спустя некоторое время до меня явственно донеслось:

— Журфиксов...

Я никак не отреагировал. Наоборот, попросил право на тост, встал, сказал что-то смешное из обычного застольного репертуара. Все рассмеялись,